

Литературная Страница

Литературному клубу «Красное солнышко» исполнилось 2 года. Он был основан в 1966 году группой молодых литераторов и любителей литературы. Клуб соединяет в себе элементы литературной и творческой организации и общества друзей книги.

На занятиях «Солнышка» можно услышать новые стихи известных авторов и первые произведения начинающих поэтов и прозаиков Магнитогорска, поговорить об актуальных проблемах современной литературы.

Члены клуба Нэмир Голланд и Василий Пономаренко имеют свои сборники.

Занятия в кружке помогли поступить в Литературный институт им. Горького Союза писателей СССР Василию Пономаренко, Александру Сазоненко, Борису Попову.

Принцип территориально-производственного деления клуб не соблюдает. Римма Дышаленкова работает на цементном заводе, Юрий Богданов — на калибровочном заводе, Екатерина Костарева — воспитательница в детском саду. Гриша Газизуллин и Галя Лещинская — студенты. А Борис Пермяков, Юрий Мишин и Владимир Петренко работают у нас на комбинате.

Объединяет их всех большая любовь к литературе.

Двери в клуб открыты для всех. Занятия проходят каждую среду в 18 часов 30 минут в центральной библиотеке строителей. Добро пожаловать!

А сейчас слово — «Красному солнышку». С пожеланием «Светить — и никаких гвоздей!».

Ю. КОСТАРЕВ.

Римма ДЫШАЛЕНКОВА

СПОРТЗАЛ

Ах, как мы гонялись за мячом!
Ах, как мы нество сражались!
Как болельщики вопили горячо
В новеньком, голубеньком спортзале!
Здесь бульдозеры давно ли скрежетали?
Взвизгивали, лопаясь, троса.
Мы мечтали о своем спортзале,
Возводя скрипучие леса.
Мы мечтали, становясь в конвейер,
Кирпичи хватая на лету.
С каждым днем звучала горячее
Песня, вся в коричневом поту.

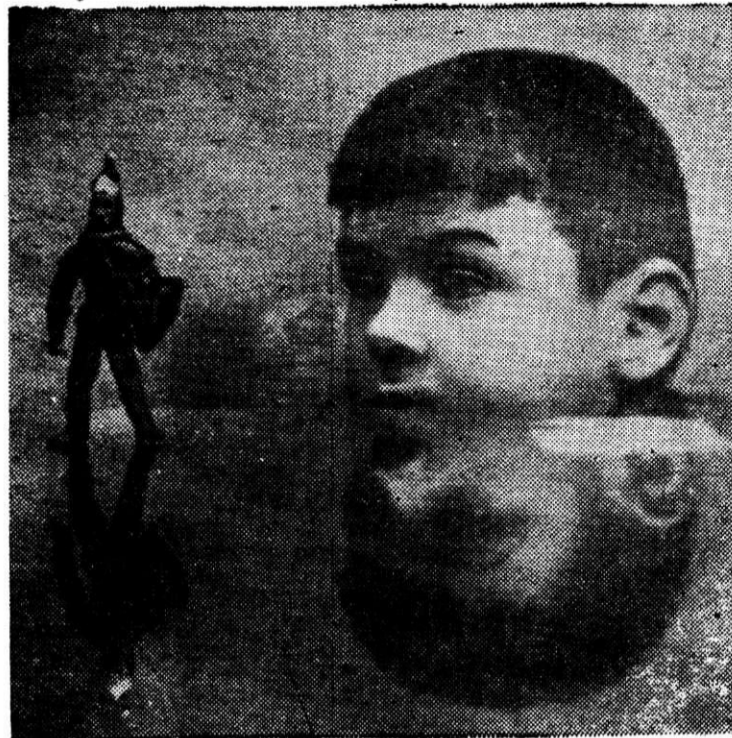
Мы вдыхали сварку, клей и краску,
Крышу крыли, чтобы дом как дом,
Мы трясли прижимистый завком,
И трясли, конечно, не напрасно.
В хлопотах до черноты дошел
Наш комсорг, наш комиссар упрямый...
Но зато — спортзал красивый самый,
Но зато — нам имя — комсомол!
Ах, как мы гонялись за мячом!
Ах, как мы нество сражались!
Как болельщики вопили горячо
В новеньком голубеньком спортзале!

Екатерина КОСТАРЕВА

В ЭРМИТАЖЕ

В Александровском зале
На узорном на том полу
Царицей Екатериной
На царском на том балу
Я танцевала.
В петербургскую белую ночь
С дамой (знатной фамилии дочь)
Вина пивала
За дубовым столом.

Под люстрами под хрустальными,
Плавали платья бальные —
Всё кругом, кругом.
У двери двустворчатой,
Золоченой
Стояли два пажа...
Потом я смущенно
сдавала тапки
Служителю Эрмитажа.

Детство.

Фотоэтиюд Ю. и В. Петренко.

Борис ПЕРМЯКОВ

ЗАВИДУЮ

Огонь костра — не батарейное тепло:
он греет душу, а не только тело.
Мы с вами грелись в детстве у костров,
и вот вы — повелители мартенов.

Огнепоклонники.
Не изменяя детству,
вы до сих пор стоите у огня,
к нему навек привязанные сердцем —
прямая Прометеева родня.

Юрий ИЛЬЯСОВ

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Кто-то по снегу прошел,
по первому снегу...
Снег пеленою лежит,
снег первозданный.
Следы на снегу свежи —
свежие раны.

Кто же прошел? Добрый? Злой?
Скверный? Хороший?..
Вот и следы занесло
первой порошей...
Кто-то по снегу прошел
по первому снегу.

Юрий МИШИН

ОТКРЫТИЕ СЕЗОНА

рассказ

«ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ»
(Русская пословица)

Совхозный столяр Иван Алексеевич Брынзин в это воскресное утро проснулся, когда за окнами было почти совсем темно. Осветив спичкой часы на руке, решил, что вставать пора, и вскочил быстро, по-молодому, несмотря на тупую боль за правой щекой.

Все охотничье снаряжение у него было готово еще с вечера. Сейчас оставалось только одеться, позавтракать. Все это он проделал под ворчанье жены Александры Петровны:

— И куда ты идешь? У тебя же флюс. А на улице прохладно. Вон даже дождь идет.

Во время короткой паузы было слышно, как за окном непрерывно стучат, ударяясь о что-то твердое, капли воды.

— Нет, все равно пойду. Сегодня охотничий сезон открывается. К тому же я назначен штатным инспектором. Так что никак нельзя не пойти.

Все время, пока Иван Алексеевич завтракал, Александра Петровна стояла рядом, сложив руки на животе.

Вдруг лицо Ивана Алексеевича исказилось от жестокой боли.

Александра Петровна покачала головой и проворчала с доброй улыбкой:

— Эх ты, старый дурень!.. И опять вернулась в спальню.

Кончив завтракать, Иван Алексеевич надел дождевик и вышел на крыльцо. Небо было черно-белесым, низким и очень подвижным. Какие-то волокнистые валы неторопливо переваливались там, скручивались и плыли, плыли куда-то на юг. В такие минуты Ивану Алексеевичу всегда казалось, что дождь идет по всей земле. Он слегка поежился. Затем, накиннув на голову капю-

— 2 —

шон, вышел со двора.

Озера начинались сразу же за селом. Они были то круглыми, то продолговатыми, то открытыми, то бурно заросшими мечевидной лещугой и камышом. Подходя к ближайшему, Иван Алексеевич развернул голенища болотных сапог, чтобы не вымочить брюки в мокрой осоке. На озерах еще стояла тишина. Но вот высоко над ними пронеслась небольшая стайка чирков. Иван Алексеевич сделал дуплет, но, видимо, не рассчитал немного: утки были высоко. И все же надеялся, что вот-вот упадет хотя бы одна. Но, заслышав выстрелы, стайка только распалась. Через несколько десятков метров утки снова начали сближаться.

Иван Алексеевич следил за ними, все еще не опуская двустволку.

Вдруг утки резко снизились. И тут же послышалось тугое, хлесткое: бах! бах!

Ивана Алексеевича словно кто резанул по сердцу, будто ему кто-то нанес тяжелую обиду. Это была самая обыкновенная охотничья зависть при виде падающих после чужих выстрелов уток.

Опять резко заломило за щекой, и он, придерживая левой рукой ружье, правую прижал к платку, стянувшему флюс. Выстрелы все гремели, и дождь моросил. И тут наш охотник понял, какую оплошность он допустил, не зарядив сразу ружье: прямо над ним пронеслась видимо, все та же стайка. Пока он, забыв про боль, вставлял в стволы патроны, утки уже были далеко.

Иван Алексеевич присел, но ждал напрасно. Уже совсем рассвело, дождь перестал, но все еще было пасмурно. Иван Алексеевич поднялся и пошел дальше. Вот уже позади одно озеро, второе, третье. К каждому из них он подходил осторожно, боясь раньше времени спугнуть птиц. Но ни на одном из озер не было уток. Остановился, думая, куда же еще пойти, и тут две черные, все приближающиеся точки на фоне белесого неба заставили его резко вскинуть ружье.

— Кряквы! — промелькнуло в мозгу. Грянул выстрел. Одна из уток начала под углом снижаться к земле, вторая же резко рванула в сторону, и следующий выстрел не достал ее.

Сделав второй выстрел, Иван Алексеевич заметил, что упавшая утка, захлопав крыльями по озерной воде, скрылась в камышовых зарослях у противоположного берега.

— 3 —

Иван Алексеевич обошел озеро и начал свистеть, бросать камни в камыши, шевелить их стволами. Он даже ходил по камышам. При этом слышалось громкое чавканье. Но все тщетно. Перепуганный подранок, видимо, крепко затаился.

Оступившись, Иван Алексеевич попал в воду едва не по пояс. Выйдя на берег, он разулся и стал выливать из сапог воду.

Настроение испортилось, а тут еще этот флюс! Иван Алексеевич даже не обратил внимания на то, что в проран в серых тучах проглянуло солнце, и лишь бодрое посвистывание, раздавшееся поблизости, вывело его из себя. Прямо на него шел невысокий худощавый парень, увешанный двумя кряквами и тремя чирками. На плече у парня висело старенькое с потертым прикладом одноствольное ружье.

— Здравствуйте. Ну, как у вас? — выпалил парень.

— Ни одной, — грустно ответил Иван Алексеевич.

— Да, не повезло, — посочувствовал парень. — А я вот наколотил.

«Наколотил», — передразнил его про себя Иван Алексеевич и тут же подумал: «А у самого небось охотничьего билета нет». И сразу же спросил об этом.

— Пожалуйста, — сказал парень и достал из кармана маленькую книжечку. Да, все в порядке. И фотография. И марки.

Иван Алексеевич вернул билет и спросил:

— А вы кто будете?

— Я к дяде приехал. Он у меня главным агрономом в совхозе.

— Вон что. Значит, племянник Ивана Васильевича?

— Да.

— И откуда же вы приехали?

— Из Магнитогорска.

— Металлург что ли?

— Да, мастером на комбинате работаю.

— Так, так... А у меня вон какая оказия приключилась.

— На охоте всякое бывает. Ну, я пойду.

И парень пошел, не торопясь, с легкой развальцей, видимо, с большим наслаждением вдыхая свежий деревенский воздух. Иван Алексеевич долго смотрел ему вслед с какой-то нахлынувшей внезапно злобной завистью, а через минуту ужасная зубная боль вновь заставила его схватиться за щеку.

Да, что и говорить, сезон для него начался скверно.